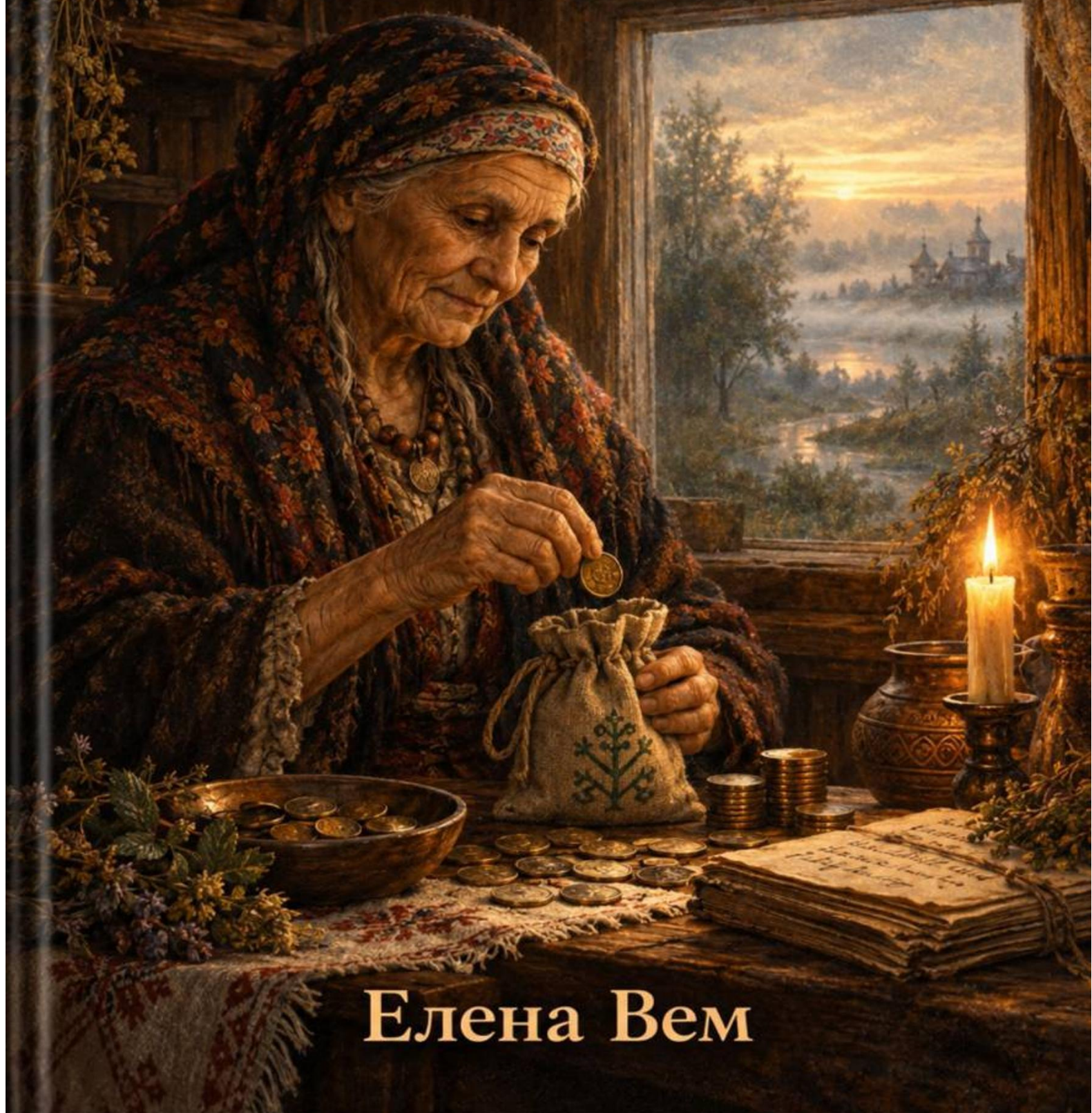

ДЕНЕЖНАЯ МАГИЯ

бабки Пелагеи

Елена Вем

Елена Вем

Денежная магия бабки Пелагеи

«Автор»

2026

Вем Е.

Денежная магия бабки Пелагеи / Е. Вем — «Автор», 2026

У бабки Пелагеи на всё свой заговор. Деньги из дома уходят? Покупатели мимо лавки идут? Есть чем удержать. А уж если должник деньги присвоил, Пелагея за дело бралась основательно. В этой книге собраны 26 денежных обрядов, заговоров и старинных способов работы с достатком. Неразменная монета, денежный горшок, первая выручка, привлечение покупателей, возвращение долгов, защита от убытков, обряды на перекрёстке и открытие денежной дороги. Пелагея расскажет, какие предметы нужны, когда проводить обряд, какие слова произносить и что делать после завершения работы. А заодно поведаёт истории из своей деревенской практики, где за каждым рублём стоят людские характеры, хитрость и порой настоящая тайна. «Денежная магия бабки Пелагеи» — книга для тех, кто интересуется народной магией, денежными заговорами и практическими обрядами на богатство и благополучие.

© Вем Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ЧАСТЬ I. ЗОВИ ДЕНЬГИ В ДОМ	7
ГЛАВА 1. ДЕНЕЖНАЯ ДОРОГА	8
ГЛАВА 2. МОНЕТА ЗАЗЫВАЛА	11
ГЛАВА 3. ЧТО ПОСЕЕШЬ, ТО И ПОЖНЁШЬ	13
ГЛАВА 4. КОШЕЛЁК-КОРМИЛЕЦ	15
ГЛАВА 5. ДЕНЕЖНЫЙ ГОРШОК	17
ГЛАВА 6. ДЕНЬГИ СО ВСЕХ ДОРОГ	20
ЧАСТЬ II. ПУСТЬ ПЛАТЯТ	23
ГЛАВА 7. ПЕРВАЯ ВЫРУЧКА	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Денежная магия бабки Пелагеи

ВВЕДЕНИЕ

За деньгами ко мне приходили чаще, чем за любовью. Только о любви говорили охотно, а про деньги начинали издалека. То крыша прохудилась, то корова захворала, то сын опять без заработка сидит. Слушаю, киваю. Знаю ведь, к чему разговор клонится. А человек всё мнётся, словно просить достатка стыднее, чем чужого мужа приворожить.

Пришла однажды Акулина, торговка с нашего базара. Баба работающая, руки золотые. Всю зиму носки вязала и платки пуховые. Весной товар на рынок повезла. Две недели просидела, покупателей почти не было. Рядом у соседки такой же товар в миг разлетелся.

Села Акулина на лавку, корзинку под ноги поставила.

— Пелагея, может, мне кто торговлю испортил?

— А чего ты сразу на порчу грессишь?

— Да у соседки моей торговля бойко идёт! Вчера три платка забрали, сегодня ещё два.

А ко мне подходят, смотрят и дальше идут.

— Значит, к ней дорогу знают.

— И что делать?

— Давай посмотрим, куда твоя дорога делась.

Акулина притихла.

Я достала из старого кошель медный пятак и положила перед ней.

— Видишь?

— Ну, вижу. Монета.

— Хорошо. А сейчас скажи, сколько рук она обошла, прежде чем ко мне попала?

Акулина пожала плечами.

— Не знаю.

— И я не знаю. Зато всяк, кто её держал, что-нибудь за неё получал. Кто хлеб, кто товар, кто свою прибыль. Деньги движение любят. Бывает, дорогу им показывать приходится.

В тот вечер мы долго возились с её товаром. Уходила Акулина уже затемно, корзину к груди прижимала. А я ещё раз убедилась: денежным делам нужен свой порядок.

А пока поговорим о деньгах.

Чего только люди ради них не вытворяли! Закапывали монеты под порог, заговаривали первую выручку, прятали в кошельках неразменные пятаки. На перекрёстках оставляли закупы.

Купцы берегли счастливые деньги, хозяйки нашёптывали на зерно, иной хитрец пытался выторговать богатство у самого чёрта, а про неразменный рубль мне особенно нравилось слушать.

По старому поверью, можно было получить такую монету, что сколько ни трать, она опять к хозяину вернётся. Представляешь? Купила на рубль товара, а рубль снова в кармане. Вот только получить его было непросто. С нечистой силой торговаться приходилось, да ещё условия соблюдать. А та публика, сама понимаешь, благотворительностью сроду не занималась.

Впрочем, и без чертей люди знали немало денежных хитростей.

Вечером денег из дому старались не отдавать. Пустой кошелёк считался дурной приметой. Первую выручку торговец мог хранить отдельно, чтобы она зазывала следующую.

А сколько колдовских историй связано с перекрёстками! Там оставляли откупы, совершали заговорные действия, искали встречи с нечистой силой.

Особенно крепки заговоры, где слово связывали с делом. Завязываешь узел и произносишь положенное. Переносишь монету через порог и называешь то, что должно прийти вслед

за ней. Оставляешь плату на перекрёстке и обращаешься к той силе, которой эта плата предназначена.

Случались и дела посерьёзнее. Человек деньги одолжил, должник пропал. Или честно заработанное никак получить не удаётся. Тут уж другой разговор, другие обряды.

Много я за свой век повидала. Богатые беднели, бедные богатели, а иной человек получал деньги оттуда, откуда и ждать не собирался. Всякие истории случались. Некоторые и сейчас вспоминать занятно, хотя участникам тогда было совсем не до смеха.

Здесь я расскажу истории, где пригодились мои денежные шепотки и обряды, что сама знавала, да слыхала от старших.

А начнём с порога.

Каждый день через него ходишь, даже внимания не обращаешь. Между тем в старых поверьях порог считался одной из самых важных границ дома. Здесь встречали добро, здесь же старались задержать чужое лихо.

Однажды соседка спросила меня, почему я перед денежной работой так долго стою у открытой двери.

Я ей ответила:

— Гостей-то ты в дом приглашаешь? Вот и деньги иной раз позвать надобно.

Она посмеялась. А через неделю пришла спрашивать, а как ей так зазвать-приманить деньги. Я и рассказала.

С этого и начнём.

ЧАСТЬ I. ЗОВИ ДЕНЬГИ В ДОМ

ГЛАВА 1. ДЕНЕЖНАЯ ДОРОГА

Федосья пришла через неделю, под вечер, когда по деревне уже потянуло дымом из печных труб, а скотина вернулась с пастбища. В такое время ко мне обычно ходили с вопросами, которые не хотели при соседях обсуждать.

Я ещё по стуку поняла, кто пришёл. Федосья всегда стучала осторожно, двумя костяшками.

Села она возле печки, платок поправила, а корзинку с гостинцами поставила на канторку. Принесла десяток яиц и крынку свежего молока. В деревне так заведено было: к знахарке с пустыми руками не ходят, кто чем богат, то и несли.

Федосья была женщиной справной. Дом держала в порядке, огород засаживала до последней борозды, кур развела столько, что петухи по утрам перекрикивались через всю улицу. Муж у неё плотничал, сама шила. Казалось бы, живи да радуйся. Только деньги в их доме почему-то надолго не задерживались.

Весной у них корова захворала. Едва с ней разобрались, крыша прохудилась. Потом муж топор где-то потерял, новый покупать пришлось. А уж мелких расходов набралось столько, что Федосья сбилась со счёта. Последней каплей стала пропажа кошелька с выручкой за проданное молоко.

Она рассказывала, а я слушала. Всё это мне уже было знакомо. В деревне чужие несчастья редко остаются тайной. О корове я слышала от пастуха, про крышу знала ещё с весны. Кошелёк же, по слухам, Федосья сама оставила на телеге у приезжего торговца. Только признавать свою оплошность ей не хотелось.

Больше всего её мучило, что работали они с мужем от зари до зари, а к зиме опять выходили с пустыми карманами. В доме было всё необходимое, кроме спокойствия за завтрашний день.

Наконец Федосья выговорила то, ради чего пришла:

— Помоги, Пелагея. Уж и не знаю, за что хвататься. Деньги приходят, да словно сквозь пальцы уходят.

Я её корзинку с канторки переставила поближе к печке и спрашиваю: «Давно ли ты последний раз меняла порог у входной двери?»

Федосья удивилась. Порог стоял ещё от прежних хозяев. Дерево потемнело, края истёрлись, но держался крепко.

Хороший порог. Старый, хозяйский. Столько людей через него прошло, столько добра в дом внесли. Федосья даже вспомнила, как её свекровь ругалась, когда кто-нибудь задерживался в дверях. Говорила, что на пороге стоять негоже: ни войти, ни выйти, только дорогу загораживать.

А мне вспомнился случай из молодости.

Жила у нас на дальнем краю деревни вдова Евдокия. Мужа схоронила рано, осталась с двумя детьми и козой. Держалась она крепко, милостыню терпеть не могла. Однажды приехал к ней брат из города, привёз мешок муки, немного денег и новую шаль. Евдокия подарок приняла, а деньги обратно сунула. Брат рассердился, стал уговаривать, да так и уехал.

После его отъезда старая мать Евдокии долго ворчала. Денег-то в доме почти не было, дети сапоги по очереди носили, а дочь от помощи отказалась.

Старуха тогда сказала:

«Самой двери захлопывать не надо, коли добро к тебе идёт. Потом и захочешь впустить, да идти будет некому».

С Евдокией всё впоследствии наладилось. Она стала брать у людей работу, шила на всю округу, детей подняла. А эти слова у меня так в памяти и остались.

Человек иной раз сам не замечает, как отгораживается от того, чего больше всего ждёт.

В старину к порогу относились особенно внимательно. Через него старались не передавать некоторые вещи, на нём избегали задерживаться, под него прятали обереги. С порогом связывали и защиту жилища, и встречу проходящего. Колдовские слова, произнесённые у входа, имели особый смысл: здесь начиналась территория хозяина.

Вот почему в денежных обрядах порог мог стать местом приглашения достатка.

Федосье сложного колдовства и не требовалось. Я дала ей простой обряд с монетой, объяснила порядок и велела запомнить слова. Она слушала внимательно, за мной беззвучно повторяла.

Расскажу и тебе.

Дала я Федосье ходовую монету из её же денег и маленький лист чистой бумаги. До полудня велела выйти за собственную дверь, оставить её открытой и повернуться к дому. Деньгу нужно взять в правую руку и сжать в кулаке. Стоя перед порогом сказать слова заговорные, а после них сделать шаг внутрь.

Запоминай:

Встану я у порога, открою двери на широкие дороги.

По тем дорогам купцы ездят, люди ходят,

товары возят, деньги носят.

Как по дороге люд людской не переводится,

так пусть и к моему дому денежная тропа не зарастает.

Из дальних краёв, из ближних дворов, от честной торговли, от прибыльного дела, от работы оплаченной, от удачи нежданной, идите, деньги, ко мне.

Кто мне должен, тот пусть расчёт принесёт.

Кто за дело платит, пусть платы не задержит.

Где моя прибыль ходит, пусть ко мне дорогу находит.

Как эта монета через порог переступит,

так и денежный прирост в мой дом войдёт.

Порог мой крепок, двери для богатства открыты.

Чужой бедности здесь не селиться, моему достатку не переводиться.

Иду я с деньгой, а за мной денежная дорога.

Сколько путей к моему дому ведёт, столько пусть и прибыли ко мне идёт.

Сказано у порога, закреплено под своей крышей. Моё слово крепко.

На последних словах нужно переступить порог правой ногой, держа монету в кулаке. Уже в сенях надо обернуться к двери, разжать ладонь и сказать:

Медная монета порог переступила,

денежную дорогу отворила.

Что моё, ко мне придёт.

Что заработано, меня найдёт.

Деньгам в дом дорога, достатку здесь место.

Да будет так.

Потом закрыть дверь, завернуть монету в бумагу одним сгибом и положить с внутренней стороны возле входа, на полку. Семь дней монету не трогать, а на восьмой надобно потратить при ближайшей покупке.

Я заставила Федосью повторить мне этот порядок, особенно переход через порог. На нём вся работа и держалась.

Федосья ушла от меня домой уже в сумерках, ещё раз повторив порядок обряда, убедившись, что ничего не забыла. Женщина она старательная, поэтому я не сомневалась, что сделает всё в точности.

Недели через три на улице заговорили, что у Федосьи опять появилась работа. Сначала кто-то из соседнего села попросил сшить рубахи, потом принесли на починку овчинный тулуп. Следом объявилась дальняя родственница с заказом на зимнюю одежду для детей.

Муж стал чаще уезжать на заработки. Осенью его позвали ставить новый дом в соседней деревне. Работа была тяжёлая, зато платили исправно.

Прошло совсем немного времени, и Федосья снова появилась у меня. Принесла большой пирог с капустой, завёрнутый в чистое полотенце.

Села возле печки, разгладила юбку и принялась рассказывать о заказах. Денег в доме прибавилось. Крышу окончательно починили, к зиме запаслись дровами, даже детям удалось купить обновки.

Я слушала и радовалась за неё. Хорошая хозяйка, работающая. Давно пора было ей выбраться из бесконечных долгов и расходов.

Федосья всё пыталась выведать, отчего дела так переменились. Я только улыбалась. Заговор она выучила и обряд сама сделала. Остальное ей объяснять без надобности.

Уходя, она задержалась возле двери. Потом обернулась и спросила:

— Можно ли снова проводить такой обряд, если денежные дела опять пойдут плохо?

— Сделай. Только монету возьми другую.

Когда дверь за ней закрылась, я достала из кошелька старый серебряный рубль.

Монета была потёртая, с тёмными пятнами по краям, такие в народе окружали любопытными поверьями. Особенно рассказывали про такой, что сколько ни потратить, всё равно к хозяину возвращается.

С ним, правда, связана уже совсем иная история — неразменный рубль.

ГЛАВА 2. МОНЕТА ЗАЗЫВАЛА

Старый серебряный рубль достался мне от деда. Потёртый, с тёмными краями, а звенел так чисто, будто только из-под чекана вышел. Дед хранил его в деревянном сундучке вместе с долговыми расписками и всякой ценной мелочью.

От него я впервые и услышала про такую деньгу.

Добыть его непросто. По одному поверью, следовало в полночь продать чёрную кошку таинственному покупателю. По-другому, нечистому предлагали жареного гуся, причём непременно в перьях.

Вот уж кому повар достался с дурным характером!

Торговались на перекрёстке. Покупатель мог предложить богатства целый мешок, а брать полагалось один рубль. Получил, спрятал и уходи. На оклики не отзывайся, назад не оглядывайся. Коль выполнишь как надо, рубль станет неразменный.

Дед любил такие истории, особенно когда за окном выла метель. Расскажет, замолчит, а мне потом всю ночь чудится, будто кто-то возле ворот монетами позвякивает.

Подросла я и узнала про заговорённые деньги, которые берегли и никогда не расходовали, чтобы оставленная при себе монета приманивала другие.

Именно о такой монете однажды зашла речь с ткачихой Марфой.

Жила она за речкой, ткала половики на продажу. Работала искусно. Даже из старого тряпья умела составить такой узор, что на ярмарке люди останавливались полюбоваться, а денег в её доме почти никогда не бывало.

Марфа овдовела молодой. Двое детей, хозяйство, старая кобыла. С рассвета до темноты за станком сидела. Выручит немного, сразу покупает муку, соль, корм скотине. А к следующей ярмарке опять заниматься приходится.

Пришла ко мне однажды за травами, разговорилась и пожаловалась:

— У меня, Пелагея, деньги не приживаются. Только получу, уже отдавать пора.

Я спросила, откладывала ли она когда-нибудь хоть монету из заработанного.

Марфа удивилась. Зачем хранить деньги, когда дома столько нужды?

Вот и решила я помочь ей.

Велела приготовить к вечеру четыре одинаковые монеты из собственного заработка и чистый лоскут. Как раз Луна в рост шла. Из четырёх монет выбрали одну, с заметной зазубриной: её предстояло сохранить, остальными можно было расплачиваться.

Марфа расстелила полотно, положила зазубренную монету посреди него, а остальные разложила рядом.

Первую приложила к главной со словами:

«От денег пришла, к деньгам пристала».

Второй коснулась той же монеты:

«Родню свою узнала, других позвала».

Третью положила последней:

«Одной оставаться, другим возвращаться».

После каждого прикосновения ходовую монету убирала в сторону.

Затем накрыла зазубренную монету правой ладонью и прочитала заговор, который я ей продиктовала:

Ходят деньги по белому свету, по купеческим лавкам, по людским рукам, по большим дорогам.

Одна за хлеб отдана, другая за работу получена, третья за товар уплачена.

Всякой деньге свой путь положен.

*А тебе, моя монета, при мне оставаться, денежную родню собирать.
Пусть одна сотню позовёт, сотня тысячу приведёт.
От работы прибыль, от торговли выручка, от доброго дела награда.
Кто мне должен, пусть расплатится.
Кто мой труд ценит, пусть заплатит.
Где деньги мои ходят, там пусть обо мне помнят.
Покуда рубль у меня остаётся, так пусть достаток в доме держится.
Как прочие монеты по рукам ходят, так пусть новая прибыль ко мне приходит.
Тебе лежать, своим ходить. Тебе оставаться, своим приходить.
Слово моё крепко. Да будет так.*

Главную монету Марфа завернула в ткань до утра, а три прочие вернула к обычным деньгам. На другой день положила заговорённую отдельно, в маленький мешочек, и с тех пор не трогала.

При новом заработке можно коснуться талисманом одной полученной монеты и убрать его обратно.

Потеряешь — выбери другую и начинай сначала.

Марфа слушала серьёзно. Ей-то легче было себе в хлебе отказать, чем ослушаться, если уж за работу взялась.

Сделала она всё в тот же вечер. Монету с зазубриной спрятала в маленький холщовый мешочек и стала носить при себе.

В ту зиму ей пришлось туго. Заболел младший сын, потом пала кобыла. Почти всё заработанное ушло на хозяйство. А весной приехала на ярмарку торговка из города, увидела Марфины половики и купила сразу десяток. Через месяц вернулась за новой партией.

Так у Марфы появились постоянные заказы.

Покупатели любили её половики за крепкую ткань и красивые узоры. Да и сама Марфа со временем научилась цену своей работе держать. Раньше торговалась до последнего, лишь бы товар забрали, а сейчас перестала уступать каждому встречному.

Года через три принесла она мне половичок собственного изготовления. Тёмно-зелёный, с узкой красной полосой посередине.

Развернула его возле печки, а я заметила на шее знакомый холщовый мешочек.

— Всё носишь свой пятак?

Марфа улыбнулась.

— Ношу. Даже когда совсем туго было, не тронула.

Показала монету. Зазубрина на месте, только металл ещё сильнее потемнел.

— Сейчас у меня два станка, Пелагея. Девку наняла помогать. Из города заказы присылают.

Я смотрю на половичок: плотный, ровный. Хорошая работа.

У всякого мастера свои хитрости.

Марфа знала, как нить скрутить, чтобы полотно не расползлось. А я знала, какие слова над монетой сказать.

Старый дедов рубль я после её ухода снова достала из кошель. Подержала на ладони, вспомнила, как дед рассказывал мне про чёрта и жареного гуся и убрала обратно.

Ведь было у меня в запасе кое-что поинтереснее.

ГЛАВА 3. ЧТО ПОСЕЕШЬ, ТО И ПОЖНЁШЬ

В детстве я больше всего любила Васильев день. Мороз за окном трещит, печь натоплена, а по деревне с самого утра мальчишки бегают с рукавицами, полными зерна. Ввалятся в избу, шапки набекрень, щеки красные, и давай разбрасывать рожь да пшеницу по горнице.

Сеяли прямо по полу, особенно возле красного угла. Приговаривали, чтобы хлеб уродился, скотина плодилась, а хозяева весь год в достатке жили. За это им давали пироги, пряники, иногда мелкие деньги.

Однажды Федька Кривой так усердно засеивал, что угодил горстью овса прямо в бабкину миску с тестом. Думал, что сейчас получит по шее. А бабка только посмотрела на него да сказала:

— Ты, Федька, коли уж сеешь, так урожая дожидайся. А то насыпал и удрал.

Парень покраснел, а мы потом ещё долго смеялись.

Зерно, которое сеяльщики разбрасывали в доме, бабка собирала и берегла до весеннего сева.

Люди приглашали урожай задолго до того, как наступало время пахать землю. За окном снег по пояс, поле спит под сугробами, а в избе уже сеют.

Зерно в обрядах на прибыль ценят за способность давать множество от одного. Посади пшеничное зерно в хорошую землю, дожись срока, и поднимется колос. В нём уже десятки новых зёрен.

Припоминаю я один случай с Анисьей.

Жила она неподалёку от мельницы. Семья большая, пятеро детей, муж с утра до ночи на работе. Анисья держала птицу, продавала яйца, летом собирала ягоды. Деньги в доме водились, но на корову накопить не получалось.

Пришла однажды она ко мне с кружкой свежей сметаны. Поставила на стол, сама у окна остановилась.

— Пелагея, научи, как прибыльток называть. Сколько лет хозяйничаю, всё на одном месте топчусь.

Я знала её хозяйство. Баба она была оборотистая, лишнего не тратила, да и заработать умела.

Дала я ей горсть пшеницы и велела приготовить старую рукавицу.

Анисья удивилась. Думала, понадобится какая-нибудь редкая трава или ещё чего, что придётся идти за тридевять земель.

Я научила её делать хозяйский засев.

Подождали утра на растущей Луне. Зерно заранее пересыпали в рукавицу и ничего к нему не примешивали. Встала она в горнице посередине, рукавицу держала в левой руке, а правой брала по щепоти.

У первого угла бросила зёрна:

«Сею зерно на прибыльток, чтобы моему делу расти».

У второго:

«Сею зерно на достаток, чтобы доход мой прибывал».

У третьего:

«Сею зерно на удачу, чтобы заработок умножился». Последнему достались слова:

«Пусть прорастет посеянное и вернется заработанное».

Зёрнышки оставались лежать на полу до утра.

Остаток пшеницы Анисья высыпала на правую ладонь, подняла её над столом и прочитала заговор:

*Лежало зерно в материнском колосе,
выросло под ясным солнцем,
дождём напоено, землёй вскормлено.*

Одно зерно в землю ложится, множеством возвращается.

Колос за колосом поднимается, поле хлебом наливается.

Так бы и моему достатку расти, моему заработку множиться.

Где одна плата была, там пусть новая прибавится.

Где одно дело кормило, там пусть другое подоспеет.

Где малый доход получался, там пусть большой вырастает. Как зерна в поле никто по одному не собирает, так и мне свои деньги по одной монете не считать.

Пусть прибыль идёт с моей работы, с доброго случая, с оплаченного дела.

Пусть всякое заработанное ко мне возвращается полной мерой.

Пшенице колоситься, ржи наливать, моему достатку прибавляться.

Сеяла малым, собираю многим.

Слово моё крепко, делу моему рост.

Да будет так.

После слов зерно вернулось в рукавицу, которую она завязала и оставила на столе на ночь.

Утром собрала рассыпанное по углам руками, соединила с остатком и отдала курам.

Анисья обряд провела старательно. Правда, её младший сын решил, что мать затеяла какую-то новую игру, и принялся собирать пшеницу раньше времени. Она едва успела остановить его.

Потом рассказывала мне, как утром ходила по горнице, выискивала крупинки под лавкой и ворчала на себя, что слишком широко размахнулась.

У неё всё было с размахом. Даже когда дело касалось одной горсти зерна.

К осени Анисья снова зашла ко мне. На этот раз принесла молока от собственной коровы.

Удалось ей тогда хорошо заработать на продаже птицы. Весной она вывела много цыплят, часть оставила себе, остальных продала. Потом мужу заплатили за дополнительную работу. Нужную сумму собрали, съездили на ярмарку и привели домой молодую корову.

Назвали корову Красулей. Нрав у неё оказался прескверный. Чужих к себе не подпускала, а ведро могла перевернуть одним движением.

— Вот тебе и прибыль, — смеялась Анисья.

Я молоко попробовала. Жирное, хорошее.

— Красуля-то твоя, гляжу, с запросами. Скоро сама цену молоку назначать начнёт.

Анисья потом каждую весну вспоминала свой засев.

Зерно оставляют расти и множиться. А вот деньги, которые уже пришли в руки, требуют другого обращения. Тут у каждого хозяина свой порядок.

Один складывает купюры бережно, другой мнёт и суёт по карманам, а у третьего кошелек такой, что деньги из него вываливаются прежде, чем он успеет за покупку расплатиться.

Про один такой кошелек и расскажу свою историю.

ГЛАВА 4. КОШЕЛЁК-КОРМИЛЕЦ

Кошель Домны я запомнила на всю жизнь. Старый, кожаный, с медной застёжкой. Когда-то его украшали тиснёные цветы, сейчас кожа потемнела, рисунок стёрся, а застёжка держалась на честном слове.

Домна таскала его за пазухой, дополнительно завернув в носовой платок. Боялась потерять. Хотя, признаться, нашедший такое сокровище вряд ли бы обрадовался.

В её кошельке хранилось всё, что попадало под руку. Деньги, пуговицы, записки, обрывки ниток. Однажды я сама видела там зуб от старого гребня. Зачем он ей понадобился, Домна объяснить не смогла. Зато уверяла, что вещь полезная, выбрасывать рано.

Жила она большой семьёй. Муж, два женатых сына, невестки, внуки. Хозяйство было общее, деньги тоже. Что заработали, всё Домне отдавали, а она уже решала, сколько оставить на покупки, сколько на зимние припасы.

Женщина она была толковая, память имела удивительную. Могла через полгода вспомнить, сколько заплатили за пуд овса и кому соседский Егор остался должен за телегу дров.

Как-то явилась Домна ко мне с жалобой. Денег в доме стало меньше, хотя сыновья исправно работали. То один заработок задержат, то другой придёт меньше обещанного. Стала она подозревать, что кто-то сглазил семейный достаток.

Попросила я её показать кошелёк.

Домна вытащила его из платка и высыпала содержимое на стол. Несколько монет, две пуговицы, обломок иглы и засохшая корка хлеба.

— Домна, ты что, в кошельке мышей кормишь?

— Это хлеб с дороги остался. Я уж и не помню, когда положила.

Подкладка внутри расползлась, деньги проваливались между кожей и тканью. В шве застряла мелкая монета, которой Домна недосчиталась.

Я достала иглу, а Домна виновато вздохнула.

— Заговори мне его, Пелагея. Может, деньги станут держаться.

— Погоди с заговором. Сначала в порядок кошель приведём.

Нашлось там ещё две монеты и маленький медный ключ. Домна обрадовалась ключу больше, чем деньгам. Оказалось, он отпирал старый сундук в кладовой. Сундук стоял запертым с прошлого лета, а хозяйка уже собиралась замок сбивать.

Кошель мы починили: подкладку зашили, застёжку поправили.

Предложила я Домне поставить денежный шов.

Для денежного кошелька такая работа подходила.

Сказала ей, что делать, и отпустила домой.

Домна взяла плотный лоскут, иглу, льняную нить и денежную купюру из недавней платы.

Утром, ещё до обычных хлопот, она выложила из своего кошелька всё содержимое, раскрыла его на столе и вдела нить в иглу. На лоскуте сделала три небольших стежка один за другим, ведя иглу к себе. С изнанки закрепила нить узелком и обрезала.

Лоскут с готовым швом положила внутрь пустого кошелька, сверху поместила купюру и, раскрыв кошель перед собой, произнесла слова так, словно сама шьёт своему дому новый заработок:

*Шила я, шивала, кошелю своему долю денежную назначала. Как игла сквозь ткань прошла,
как нитка края соединила,
так пусть и кошель мой с заработком соединится.*

*Ходить мне на работу, получать мне оплату.
Торговать мне товаром, принимать мне выручку.
За всякое дело моё пусть будет честный расчёт.
Кошелю моему от прибыли полнеть, хозяину своему кормильцем служить.
Войди в него денёга трудовая, войди плата заслуженная, войди прибыль торговая.
Найдётся тебе место, найдётся тебе счёт.
Хлебу быть на моём столе, запасам лежать в моём доме, деньгам водиться в моём кошельке.
Сколько рук моей работы коснётся, столько пусть доброй платы за неё воздастся.
Сколько раз кошель открою, столько раз пусть будет чем его наполнить.
Шов положен, слово сказано.
Кошелю хозяина кормить, хозяину в достатке жить.
Ключ замок моему слову. Да будет так.*

После заговора Домна положила остальные деньги и оставила лоскут в отделении под подкладкой, чтобы тот не выпадал при расчёте. Закрыв кошель, взяла двумя руками и прошептала:

*«Кошель зашила, на прибыльток заговорила.
Что заработаю, тому в кошеле место.
Что потрачу по нужде, пусть новым заработком восполнится.
Да будет так».*

Купюру потратить можно, а шов оставить в кошеле. Менять старую мошну на новую можно было, переложив лоскут, пока три стежка целы.

Домна всё сделала аккуратно. Выбрала кусочек крепкого полотна, положила ровный шов, спрятала его во внутреннее отделение.

Монеты больше не проваливались под подкладку.

Осенью с Домниным мужем наконец рассчитались за лес, который он с сыновьями заготовил ещё весной. Потом младший получил постоянное место в плотницкой артели. В доме впервые за долгое время появились деньги, которые можно было оставить до следующего заработка.

Домна явилась ко мне перед самыми холодами. Принесла сушёных грибов и банку мёда.

Я поставила самовар, а она достала свой кошель и показывает. Кожа вычищена, медная застёжка блестит.

— Ну как, кормит? — спросила я.

Домна усмехнулась.

— Кормит, Пелагея.

Домна свой кошель ещё долго носила. Старую вещь любила, менять не собиралась. А когда застёжка сломалась, принесла его ко мне вместе с новым. Мы переложили лоскут с денежным швом в новый дом. Нитка на нём потемнела, но все три стежка держались крепко.

А однажды встретился мне совсем другой кошель. Деньги в нём водились справно, только хозяйка лишней копейки тратить не желала. Все деньги складывала в глиняный горшок, что прятался за печью.

С тем горшком вышла история куда занятнее.

ГЛАВА 5. ДЕНЕЖНЫЙ ГОРШОК

Устинью в деревне считали богатейкой. И было за что. Держала она постоянный двор у большой дороги, кормила проезжих, сдавала комнаты, лошадей принимала на ночлег. В хорошие дни у неё за столом собиралось столько народу, что приходилось звать соседских девок в помощь.

Хозяйка она была проворная, с крепкой памятью на чужие долги. Могла спустя полгода напомнить купцу, что тот недоплатил три копейки за овёс. Даже если купец за это время успевал объехать половину губернии.

Все свободные деньги она складывала в глиняный горшок. Бумажные деньги заворачивала в тряпицу, монеты складывала горкой на дно. Когда горшок наполнялся, заводила другой.

Вся деревня знала о её богатстве, хотя самих денег никто не видывал.

Однажды Устинья пришла ко мне с такой просьбой, что я сперва решила, будто ослышалась.

— Пелагея, помоги. Деньги у меня перестали прибывать.

Я знала её постоянный двор. Телеги по-прежнему останавливались, купцы обедали, лошади жевали хозяйский овёс. Что за беда?

Оказалось, что дела у неё действительно пошли хуже. Старая конюшня требовала ремонта, часть комнат стояла пустой, а купцы стали останавливаться на постоялом дворе у переправы. Там и корм давали лучше, и лошадям было просторнее.

Устинья всё собиралась привести хозяйство в порядок. Деньги у неё имелись. Только доставать их из горшков она не любила.

Я попросила показать один из них.

На другой день Устинья принесла небольшой горшок, завернутый в старую шаль, осторожно поставила на стол и сняла крышку.

Монеты лежали вперемешку с бумажными деньгами. Некоторые купюры отсырели, уголки потемнели. На дне виднелась зелёная медная мелочь.

Я высыпала всё на полотенце и спрашиваю:

— А когда последний раз из него деньги брала?

Гостья задумалась. Она могла часами пересчитывать накопленное, но тратить деньги из горшка считала дурным делом.

Я взяла крышку, перевернула и положила рядом.

— У тебя, Устинья, горшок хозяином стал, сам деньгами распоряжается.

Она нахмурилась и долго смотрела на деньги, разложенные на полотенце. Потом неожиданно говорит:

— Отдам часть плотникам за конюшню.

— Так они у тебя, который месяц работы ждут!

Я научила Устинью обряду «Денежный прибыток».

Для него нужны глиняный горшок с крышкой, деревянная ложка и часть заработанного.

Горшок вымыли и высушили. Начинать договорились на растущей Луне, после получения платы. Вечером назначенного дня пришла Устинья. Поставила горшок на стол, рядом положила ложку и приготовленные монеты.

Держа ложку за черенок, она трижды обвела ею горлышко по часовой стрелке, не касаясь края.

На каждом круге произносила: *«Что с трудом пришло, тому прибыток найти»*.

Потом положила ложку справа. Деньги взяла двумя руками, подержала над открытым сосудом и сказала:

Стоит горшок глиняный, землёй рождённый, огнём обожжённый.

Бока его крепки, дно цело, горлышко открыто.

Всякому добру в хозяйстве своё место.

Хлебу в закроме лежать, маслу в крынке стоять, а деньгам в этом горшке собираться.

С первой платой кладу начало, следующую зазываю.

От заработка прибавляйся, от торговли пополняйся, от удачного дела умножайся.

Что руками заработаю, что за труд получу, что с прибылью продам, всему сюда дорога.

Сколько раз плату получу, столько раз горшку полнеть. Сколько денег в него положу, столько добра на задуманное дело собрать.

Наполняйся, сосуд, честным прибытком. Собирай мне на задуманное, копи до нужного срока.

А придёт время, открою тебя, возьму собранное да пушу на доброе дело.

Чтоб из малого большая польза вышла, чтоб потраченное новыми доходами обернулось.

Горшку стоять, деньгам прибывать, задуманному быть.

Слово моё крепко. Да будет так.

Монеты опустились на дно, Устинья закрыла горшок и поставила его в выбранное место.

С каждой новой выручки она должна была откладывать посильную часть и шептать: «К первой плате новая пристала. Горшок наполняется, дело приближается».

Когда на задуманную покупку накопится достаточно, горшок открывают и произносят: «Горшок открываю, собранное вынимаю. Что лежало, тому в дело идти. Что потрачено с пользой, тому новым прибытком возвратиться».

Вынимают всё нужное и расходуют на то, ради чего собирали. После горшок снова можно вымыть и поставить на новое дело.

Устинья сначала долго сомневалась, стоит ли доставать старые накопления. Потом всё-таки позвала плотников. Конюшню перекрыли, поставили новые стойла, заменили прогнившие доски.

Следом дошли руки до комнат для постояльцев. Купила новые тюфяки, починила двери, побелила стены. В одной комнате даже поставила печку, чтобы зимой приезжим не приходилось спать под тремя одеялами.

А новый денежный горшок поставила отдельно.

Первую выручку положила в него после возвращения старого постояльца, торговца сукном. Тот остановился у неё на три дня и ещё двух приказчиков с собой привёз.

Устинья потом рассказывала, как вечером пересчитала плату, отложила часть в заговорённый горшок, зная, на что собирает.

Сейчас ей хотелось сменить большой медный котёл на кухне. Старый прохудился, и стряпуха всякий раз бранилась, когда приходилось варить похлёбку сразу на десяток человек.

На котёл Устинья собрала к зиме.

Приехала как-то ко мне на санях, разодетая, румяная. Привезла каравай хлеба, горшочек топлёного масла и стала рассказывать, какие у неё перемены случились.

Как-то раз через её двор проезжал незнакомый торговец, который прежде никогда здесь не останавливался. Потом приехал снова, уже с товарищами. Оказалось, кто-то из купцов посоветовал ему постоялый двор, где лошадей хорошо кормят, и хозяйка за каждым медяком следит.

Про каждый медяк они, конечно, угадали.

Сейчас у Устиньи появилась новая забота. Надо было принимать людей, которые приезжали из мест, о каких она прежде и не слыхивала. Один вёз сукно, другой железо, третий заморские пряности и всякий привозил с собой деньги.

Вот тогда я вспомнила ещё один случай. Заговор на прибыль, которая должна прийти со всех дорог, от людей ближних и дальних.

Про неё и расскажу дальше.

ГЛАВА 6. ДЕНЬГИ СО ВСЕХ ДОРОГ

Был у нас в деревне возчик Ерофей. Мужик здоровенный, борода рыжая, голос такой, что с другого конца улицы слышно. Лошадей любил больше людей, а с деньгами вечно не ладил.

Держал он двух крепких мерин и большую телегу. Возил на ярмарку зерно, доставлял лес, брался перевозить купеческие товары. В хорошие месяцы зарабатывал прилично. Да вот только хорошие месяцы случались редко. То купцы проедут мимо, то подряд достанется другому, то приходится возвращаться из города с пустой телегой.

Самое обидное, что сосед его, Савелий, работой был завален. Лошадёнка у того старенькая, телега скрипела на каждом ухабе, зато каждый день всё при работе. То муку везёт, то сукно, то целый обоз сопровождает.

Ерофей на него косился, но худого слова не говорил. Савелий мужик хороший, помогал соседям, чужого не брал. Только уж больно везучий.

Однажды весной Ерофей собрался в город. Рассчитывал получить плату за доставку бочек с маслом. Вернулся через три дня злой, с пустыми руками. Купец нанял другого возчика, пока Ерофей ждал, когда подкуют мерина.

Завернул он ко мне, попросил воды напиться, а потом сел возле лавки и долго разглядывал свои сапоги.

— Пелагея, хоть бы одну добрую дорогу мне кто показал. Вроде и лошади есть, и телега, а заработок всё стороной проходит.

Я поглядела на него.

— Сколько дорог от нашей деревни идёт, знаешь?

— Четыре больших. Да просёлки ещё.

Сказала ему принести четыре небольших дорожных камешка, с каждой дороги по одному, и попросила не смешивать их в кармане, а завернуть отдельно, чтобы было известно, с какого пути он взят, потому что требовалось свести к себе заработок с путей, по которым ходили люди и возили товары.

Ерофей лишних вопросов задавать не стал, и на следующий вечер камешки лежали у меня на столе.

Расстелили мы чистую ткань и разложили камешки по четырём краям. Один белёсый, с известковой крошкой, другой тёмный, гладкий, словно его долго катало колесами. Третий был красноватый, четвёртый совсем серый.

Первый, с самой привычной Ерофею дороги, он передвинул к середине: *«С этой дороги начну, заработок к себе поверну».*

За ним второй: *«Дорога к дороге, дело к делу, плата к плате».*

Третий положил рядом: *«Где меня знают, пусть зовут. Где работы много, пусть и мне дают».*

Четвёртому сказал: *«С дальнего края, с чужой стороны, пусть идут ко мне денежные вести».*

Когда камешки сошлись, Ерофей накрыл их ладонями. Я прочитала заговор, он повторил:

«Есть дороги торные, людьми хоженые, колёсами битые, конскими копытами меренные».

*По тем дорогам купцы ездят, работники ходят, товары везут, плату за дело берут.
Одному хлеб везти, другому дом ставить, третьему товар доставлять.
У всякого дела свой мастер, у всякого мастера своя плата. Собираю я четыре дороги,
свожу их в одно место.
С первой дороги пусть добрая работа придёт.
Со второй пусть выгодное дело объявится.
С третьей пусть дальний заработок сыщется.
С четвёртой пусть нежданная прибыль прибудет.
Где моё умение понадобится, пусть обо мне вспомнят.
Где за труд хорошо платят, пусть моё имя назовут.
Пусть добрые вести находят меня через знакомых и незнакомых, через близких людей
и дальних.
Идти ко мне плате за труд, оплате за дело, прибыли за товар.
Коли дорога дальняя, пусть весть меня достигнет.
Коли человек незнакомый, пусть сведут нас обстоятельства добрые.
Четыре дороги в одну свожу, денежные вести к себе зову. Слово моё крепко да легко.
Да будет так.*

Затем Ерофей собрал края полотна, завязал один узел и убрал свёрток к своим дорожным вещам. Я велела держать его до первой платы за новый подряд.

После этого ткань развязать, четыре камешка отнести к людной дороге и оставить на земле со словами:

*«Четыре дороги сошлись,
добрые вести нашлись.
Что позвано, то пришло.
Камешкам обратно к земле,
прибытку оставаться при мне».*

Если нового дела за месяц так и не случится, камни всё равно возвращают земле, а при желании новую работу начинают с других камешков.

Ерофей работу сделал, как я научила. Камешки завернул в кусок старого полотна и спрятал в ящик под сиденьем телеги.

Спустя две недели случилась у него первая дальняя поездка.

Ехал через деревню купец с приказчиками, вёз железные ларцы да инструменты. На переправе у его телеги сломалось колесо, а продолжать путь требовалось без промедления. Купец стал искать возчика, который согласится доставить часть груза до города.

Ерофей оказался поблизости. Лошади у него были отдохнувшие, телега исправная. Сговорились о плате, и ещё до обеда он выехал в дорогу.

Вернулся довольный. Купец расплатился честно и обещал обращаться снова.

Однажды приехали люди из дальнего села, где Ерофей ни разу не бывал. Требовалось перевезти большой груз кож на ярмарку. Кто им о нём рассказал, возчик так и не узнал. Заказ получил хороший, плату обещали достойную.

В тот вечер он и вспомнил про камешки.

Принёс мне свёрток, положил на стол, а сам улыбается во всю рыжую бороду.

— Пелагея, ты велела камни на дорогу вернуть. А я всё никак. То туда еду, то сюда.

— Небось и про сон забыл?

— Сплю, когда лошадей кормлю. Сидя.

Я посмеялась.

— Так и недолго в кормушку свалиться.

Ерофей свой свёрток всё-таки развязал, камешки вернул земле. А через месяц купил ещё одного мерина. Сейчас у него было три лошади и столько работы, что иной раз приходилось просить Савелия помочь.

Соседи, прежде молча соперничавшие за каждый подряд, стали ездить вместе. Вдвоём можно было взять большой груз, за который поодиночке ни один бы не решился взяться.

А я потом не раз видела его телеги на дороге. То навстречу едут, нагруженные тюками, то возвращаются порожняком после расчёта.

И всегда Ерофей первым делом спрашивал, не надо ли чего привезти.

Впрочем, когда у человека появляется работа, за неё ещё нужно получить деньги. Иной купец охотно обещает, да при расчёте вдруг забывает собственные слова.

Был у меня на памяти один такой случай. Только там всё началось с первой выручки, которую молодой торговец так и не сумел сохранить.

ЧАСТЬ II. ПУСТЬ ПЛАТЯТ

ГЛАВА 7. ПЕРВАЯ ВЫРУЧКА

Первую выручку Тимошка спустил.

Сперва угостил приятелей сбитнем, потом купил себе новый пояс, а к вечеру обнаружил, что из заработанных денег осталось всего две медные монеты.

Тимошка был сыном нашего лавочника. Отец его торговал на ярмарках железным товаром: гвоздями, петлями, замками, скобами. Возил всё это в больших деревянных ларях, знал каждого поставщика и любую цену мог назвать спросонья.

Когда старик занемог, лавку пришлось передать сыну.

Тимошка прежде только помогал отцу. Ящики грузил, лошадь запрягал, товар пересчитывал. А тут сделался полноправным хозяином. С утра надел чистую рубаху, причесался, сапоги начистил. Вид у него был такой важный, будто собрался в городские головы выбираться.

Первый покупатель пришёл скоро. Мужик из соседнего села взял несколько дверных петель, десяток гвоздей да небольшой замок. Расплатился серебром.

Тимошка обрадовался. Торговля пошла!

И решил отпраздновать.

К полудню выяснилось, что покупателей больше нет. Народ ходил вдоль рядов, приценивался, торговался. У соседей что-нибудь покупали, а Тимошкины ящики стояли почти нетронутыми.

К вечеру он рассердился. Сбросил цену на замки, но продал всего один. Домой вернулся хмурый, с тяжёлой телегой и жалкими двумя медяками в кошель.

На второй ярмарке дела шли ещё хуже.

Старики посмеивались: молодой хозяин, мол, слишком рано прибыль праздновать начал. А отец его, узнав про первую выручку, так разошёлся, что даже с постели поднялся.

— Я тебя чему учил? Почин беречь! Первая деньга весь торг за собой ведёт!

Тимошка потом пересказывал мне отцовскую брань слово в слово. Особенно запомнил, как старик называл его пустой мошной в новых сапогах.

Когда парень явился ко мне, сапоги и вправду были ещё почти новые. Зато сам выглядел так, словно по нему целый обоз проехал.

Я выслушала его и спросила, видел ли он когда-нибудь, что торговки делают с деньгами первого покупателя.

Видел, конечно. Некоторые проводили ими по товару. Иная ещё по прилавку прихлопнет, что-нибудь шепнёт себе под нос, а уж потом уберёт деньги в кошель.

Тимошка прежде считал эти повадки бабыими причудами. Отец обходился без лишних движений, зато перед началом торговли всегда осенял лавку крестом и произносил свои слова. Какие именно, сын не знал. Старик при нём шептал так тихо, что хоть ухо к бороде приставляй.

— А ты, стало быть, решил, что покупатели сами за тобой бегать станут? — спросила я.

Тимошка покраснел.

Я велела ему принести один из непроданных замков.

Железный замок оказался добротным, тяжёлым. Тимошка положил его передо мной и принялся объяснять, почему люди плохо покупают. То цена им велика, то размер не подходит, то деньги с собой забыли.

Я повертела замок в руках.

— А первый-то покупатель твой доволен остался?

— Доволен. Даже поблагодарил.

— Вот с него бы и начал. Первый человек твоему товару цену признал, деньги отдал. А ты взял да весь почин по харчевням разнёс.

Тимошка вздохнул.

Первую продажу на торгу называли почином. Слово хорошее, крепкое. Почать дело, положить начало. Особое значение ему придавали, когда впервые открывали собственную лавку или выезжали на ярмарку с новым товаром.

За первым покупателем наблюдали внимательно. Его старались не отпускать без покупки, могли уступить в цене. Деньгами от первой продажи обмахивали оставшийся товар, чтобы и тот следом разошёлся.

У некоторых торговцев были собственные слова на почин. И каждый берег их по-своему.

Я научила Тимошку одному способу. Велела на следующей ярмарке дожидаться первого расчёта, а уж потом браться за дело.

Как человек товар выберет и полностью рассчитается, сдачу отдай прежде всяких шепотков.

Потом возьми одну монету из полученного, зажми в правой руке и проводи над оставшимся товаром от дальнего края прилавка к себе три раза да приговаривай: *«Первый купил, торг почал»*.

За вторым: *«Первый заплатил, другим дорогу проложил»*.

За третьим: *«Первому товар, мне выручка, остальному товару покупатель»*.

Покрывать каждый гвоздь или крюк рукой ни к чему, проводи над всем прилавком.

После этого Тимошка, держа монету в кулаке, произносил заговор, который я заставила его выучить:

Почат мой торг, взяты первые деньги.

*Первый покупатель пришёл,
товар выбрал, плату отдал.*

Коли один купил, пусть и другие покупают.

*Коли первый товар пришёлся по нраву,
пусть и прочий хозяев себе найдёт.*

*Что на моём прилавке лежит,
тому без дела не залёживаться.*

*Что моими руками сделано,
тому покупателя дожидаться.*

*Что на продажу выставлено,
тому за хорошую цену продаться.*

*Пусть подходят люди с деньгами,
выбирают с охотой, торгуются по разуму,
платят исправно.*

*Мне свой товар хвалить,
покупателю свой выбор делать.*

Ему вещь нужная, мне плата честная.

*За первым покупателем второй явится,
за вторым третий, а там и счёт потеряется.*

*Пока товар мой в продаже,
пусть людская охота к нему держится.*

Пока торг мой идёт, пусть выручка прибывает.

*Почину быть доброму,
торговле прибыльной,
товару ходкому.*

*Слово моё крепко.
Да будет так.*

Первую денежку откладывай отдельно от прочей выручки, не давай её на сдачу до самого конца торговли, а вечером присоединяй к заработанному.

Такой почин делали с первой продажей дня. Тимошке, только перенявшему отцовскую лавку, особенно важно было не проглядеть первого настоящего покупателя.

Я предупредила, что и приказчику за мастеровую работу тот же обряд знаком: прежде получить плату, а после нашептать над своей работой.

На следующую ярмарку Тимошка выехал затемно. Взял с собой железный товар, аккуратно разложил замки, петли и скобы. Отец остался дома, только напоследок велел сыну не позорить фамилию.

Первым покупателем оказался старый плотник. Ему понадобились два дверных крюка и горсть гвоздей.

Тимошка с ним поторговался, немного уступил и получил плату. Потом дождался, когда плотник отойдёт, взял монету и обмахнул разложенное железо.

Слова произнёс тихо, почти беззвучно.

Соседний торговец заметил, усмехнулся. Но Тимошка внимания не обратил. Дело своё сделал и продолжил торговать.

К полудню продал несколько замков, железные петли и часть гвоздей. Под вечер приехал кузнец из соседнего села, забрал оставшиеся скобы и договорился брать у Тимошки мелкий товар для своей мастерской.

Вернулся парень домой довольный. Денег привёз больше, чем за обе предыдущие ярмарки.

Старик сперва пересчитал выручку. Потом долго расспрашивал, кто покупал, почём торговались, много ли осталось непроданного. Наконец спросил про первую продажу.

Тимошка рассказал, что сделал.

Отец выслушал и засмеялся.

Оказывается, сам он много лет поступал почти так же. Только обмахивал товар первой купюрой, если такая попадалась, а если рассчитывались мелочью, брал монету.

Тимошка обиделся, что отец прежде ему ничего толком не объяснял.

А старик ответил:

— Ты прежде деньги заработать научись. Остальное потом узнаешь.

Упрямство в той семье, видно, наследством передавалось вместе с лавкой.

Тимошка потом ещё не раз ошибался. То цену занижит, то поверит покупателю, обещавшему расплатиться после ярмарки. Отец его ругал, Тимошка огрызался, а торговля шла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.